



УДК 821.161.1.09«1917/1991»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ» КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР» А. ПЛАТОНОВА

А. Худзиньска-Паркосадзе

Понятие «вещества существования» выступает как центральное почти во всех произведениях Андрея Платонова. Кажется, все мотивы и образы его художественного мира находят свою развязку и решение именно в этом концепте. «Вещество существования» определяет одновременно и путь художественных поисков Платонова, и их цель. Однако смысл этого понятия эволюционировал в творчестве писателя. Сначала он был связан с семантическими экспериментами Платонова, который находился под сильным влиянием философии Н. Федорова, затем он относит его к феномену коммунизма, чтобы наконец прийти к выводу о его универсальном, почти христианском в своем характере, значении.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Чевенгур», «вещество существования», Н. Федоров, коммунизм.

Соотнесение и взаимосвязь природы и истории были характерными для творчества ряда советских писателей 20-х годов. В произведениях русской литературы того периода революционные события ассоциируются со стихиями природы. Платонов оценивал революцию не только в общественном значении, но и в «космическом». Он видел, как подчеркивает Н. Малыгина, в революции синтез природного и общественного начал человеческого бытия. Знаменательно, что в раннем творчестве Платонова революция явилась силой, противодействующей разрушению, смерти, рассеянию «природного вещества». Платонов верил тогда, что революция рождена знанием. Наука ассоциировалась символически с головой революции, сердце – присущее человеку чувство истины [6, с. 42]. Конечно, такой революционный оптимизм характерен в основном для первого периода творчества писателя, во второй половине двадцатых годов образ революции превратился из силы, противодействующей разрушению и смерти,

в стихию, разрушающую жизнь, и отождествление смерти.

Для позднего творчества Платонова характерна мысль, что «хранить» «вещество существования» недостаточно. Человек должен приумножить «вещество существования», полученное им в наследство от прежних поколений [6, с. 64]. Однако показанная в «Чевенгуре» попытка приумножения «вещества существования», уничтожающая зависимость человека от природных законов, путем физического истребления буржуазии города кончится поражением (смерть ребенка в Чевенгуре) [3, с. 24].

В. Чалмаев объясняет искомый платоновский термин «вещество существования» воздействием на Платонова идей В.И. Вернадского, который ввел вместо понятия «жизнь» понятие «живого вещества». Кроме того, исследователь подчеркивает восприятие Платоновым идей Н.Ф. Федорова об «общем деле» человечества, уроков К.Э. Циолковского о бессмертных атомах и «монизме Вселенной» [16, с. 328]. Факт впитывания Платоновым тех идей, которые обычно были отброшены другими (биологизм, «романтику ущемленных людей», косноязычие, непосредствен-

ные впечатления, притворную «неумелость» и т. д.) подчеркивал также Л. Аннинский [1, с. 89]. Чалмаев обращает внимание на то, что идеал рая чевенгурцев включает в себя значительную часть идей Федорова. Это «федоровское ядро» ощущается, по словам исследователя, в потоках пестрых «формулировок», догадок о «веществе существования», предчувствий, сумбурных речений Чепурного или «прочих» [16, с. 331]. На это обращали также внимание другие исследователи: С. Семенова, А. Киселев, М. Чудакова, М. Геллер, Е. Толстая-Сегал.

Поиски Платоновым «вещества существования», связанные с попытками отождествления коммунизма со смыслом жизни и счастьем, привели его к исследованиям возможности достижения «соответствия» природы и истории, «всеобщего» и исторически конкретного в жизни людей. Его интересовала возможность социального переустройства общества в решении конкретных проблем всечеловеческого бытия [6, с. 41].

Некоторые исследователи утверждают, что идеал Платонова, то есть «счастье жизни» – «вещество существования», «вещество жизни», подразумевает гармонию тела и души человека. Мы согласны с выводами Т.А. Никоновой, что идеал А. Платонова заключался в полной гармонии и единстве духа и тела. Исследовательница правильно отмечает, что в произведениях писателя человек старается найти для себя ту единственную дорогу, которая приведет его к пониманию истинного смысла жизни, то есть к бессмертию. На наш взгляд, это федоровская идея, унаследованная Платоновым в своем чистом виде. Мы не можем, однако, согласиться с мнением исследовательницы о том, что пограничные ситуации, в которые попадают платоновские герои, обозначают место человека «среди животных и растений» и что природный мир якобы позволяет человеку увидеть родство с собой, показывает выход из жизненного тупика, объясняет неизбежность поворота в человеческой судьбе [7, с. 117]. Мы считаем, ссылаясь на взгляды Н. Федорова, что не слепая природа показывала человеку путь и его место в мире, а его Создатель. Природа в «Чевенгуре» осталась непокоренным Хаосом, поскольку герои романа не смогли выполнить

свой долг и подчинить ее себе, для того чтобы одержать победу над смертью и, следовательно, приобрести бессмертие.

На идею единства души и тела в платоновских произведениях обратил внимание также Хисако Кубо, но его выводы выглядят более убедительными. Исследователь доказывает, что платоновские герои всегда сознают наличие своего тела, как будто оно есть отдельное существо [4, с. 23]. Автор статьи подчеркивает, что в «Чевенгуре» слово «коммунизм» имеет неразрывную связь со словом «тело». Итак, поскольку «коммунизм» – это «новое тело» в понимании героев, а они не смогли его почувствовать «телесно» [там же, с. 27], то идеал единства души и тела для приобретения бессмертия оказался неосуществимым.

С другой стороны, как отмечает В.А. Свительский, прозу Платонова отличает настойчивое и последовательное сопряжение самых общих понятий с конкретными явлениями, подключение частного факта к более общим и значительным, осмысление такого факта в соотношении его с общим планом. Способность «думать о своей и всеобщей жизни», не отделяя свою жизнь от всеобщей, присуща и автору, и его героям. Как подчеркивает исследователь, в этих словах сформулирован важнейший принцип мышления А. Платонова-художника [11, с. 9].

По мнению О.В. Лазаренко, в «Чевенгуре» противопоставление ««материальное» – “нематериальное”» не имеет эстетической актуальности, поскольку снимается оно платоновской идейно-художественной доминантой – «веществом существования». В авторской системе сон и явь в равной степени раскрывают законы «вещества существования» [5, с. 115]. Однако нельзя не согласиться, что состояние сна, в котором чаще всего пребывают Чевенгур и его новые жители, включает в себя и «материальное» и «нематериальное», устанавливая одновременно грань между ними. Большинство сравнений, описывающих ощущения героев, оказавшихся в этом месте, относятся именно ко сну: «Копенкин погружался в Чевенгур, как в сон...» [8, с. 224]. В процитированном сравнении ставится знак равенства между сном и Чевенгуром. В результате Чевенгур представляет собой просто иллюзию, которая в реальном, историческом плане не может быть осуществлена.

Любопытно, что этот мотив появляется не только в описаниях Чевенгура рассказчиком. Он выступает и в высказываниях самих героев, например, тогда, когда Кирей рассказывает Чепурному свой сон о Чевенгуре: «Я... спал и видел во сне весь Чевенгур, как с дерева, – кругом голо, а в городе безлюдно...» [8, с. 200]. В итоге обоснованным может быть утверждение, что как Чевенгур, так и коммунизм (поскольку у Платонова эти понятия тождественны) оказался явлением мнимым, иллюзией, неосуществленной мечтой и самообманом.

К. Баршт такое состояние героев «во сне» связывает с бессознательно-равнодушным состоянием человека, потерявшего смысл жизни. Исследователь называет это состояние героев «специфическим состоянием «сна-смерти», но при этом подчеркивает, что смерть – не состояние, только «направление». Принявшие такое направление люди впадают в состояние, промежуточное между сном и смертью [2, с. 256]. Эту связь отметил также О. Лазаренко [5, с. 114].

Следовательно, Чевенгур-коммунизм ощущается героями как сновидение. Однако, принимая во внимание смысловой ряд платоновских понятий сон – смерть – явь – передвижение (хаотичное движение чевенгурцев в пространстве), можем сделать вывод о бессознательности бытия чевенгурцев. В Чевенгуре сон – иллюзия, бред, пассивное состояние героев. Сон как проявление истинной трансцендентной сущности и обнажение истинного бытия явлений вне пространства и времени [9, с. 152] связан с переживаниями, прежде всего, Саши Дванова и Захара Павловича. Сон в романе становится тождественным мотиву дороги, единственному пути к истине, которая может находиться именно на грани миров жизни и смерти.

Знаменательно, что платоновский мотив сна как пути к истине несет в себе отпечаток федоровской идеи воскрешения. По этой причине сон в «Чевенгуре» – это продолжение жизни человека в более выразительном, «обнаженном» смысле: «Не существует перехода от ясного сознания к сновидению – во сне продолжается та же жизнь, но в обнаженном смысле» [8, с. 123]. Факт, что герои видят во снах своих умерших родителей (преимуще-

ственно отцов), может указывать на цель жизни человека, то есть федоровский долг воскрешения. Александр Дванов постоянно видит во сне своего отца-рыбака и, как правило, ему сопутствуют сновидения в переломных моментах жизни.

Память об умерших родителях отмечена и у Гопнера, Копенкина, Сербинова, Проши и др. Однако только Захар Павлович, Яков Титыч и Александр Дванов скорбят по умершим отцам, утрата которых породила в них ощущение одиночества и сиротства. Эта *скорбь* и легла в основу потребности воскрешения, понимаемого как приобретение истины, то есть объединения со сферой *сacrum*.

Несомненно, мотив сна относится к проблеме подсознания человека. М. Элиаде связывает человеческое подсознание с той сферой духовной жизни личности, которая более «философская», «мифическая» в противоположность сознательной жизни. По мнению ученого, самая глубинная человеческая тоска – это тоска о потерянном рае [18, с. 16, 19]. Наверно, не случайно в городе Чевенгур все происходит как будто во сне: люди передвигают дома и сады, создают «новую реальность», «новый мир», в котором Солнце будет на них работать, а они с моментом введения коммунизма станут счастливыми и бессмертными.

Саша как единственный герой в Чевенгуре видит сны, в которых общается со своим умершим отцом. Следовательно, Саша имеет возможность переходить из мира живых в мир мертвых. Кроме того, сны Саши имеют пророческое значение для его дальнейшей судьбы и жителей Чевенгура. При этом особого внимания заслуживает сон, который Саша видит перед уходом из дома Захара Павловича в Чевенгур. После этого сновидения Саша принимает решение отправиться в Чевенгур, поскольку во сне отец сказал ему: «Делай что-нибудь в Чевенгуре: зачем же мы будем мертвыми лежать» [8, с. 181].

О.В. Лазаренко справедливо отмечает, что в романе «Чевенгур» именно в сфере сна могут сохраняться утраченные действительностью ценности. Сон в романе художественно осмысливается Платоновым как возможность человека вернуться в первосостояние, пережить его и приобщиться к истине – к ми-

ру изначальных, обусловленных самой природой, человеческих ценностей [5, с. 116–117]. В.А. Сарычев также утверждает, что «закрытое зрение» человечества откроется навстречу тому, что есть истинный свет миру [10, с. 158].

Перед гибелью Чевенгура Саша видит во сне телегу, которая обдала грязью его самого и его отца-рыбака. Согласно мифологической символике телега обозначает солнечную телегу, то есть она связана с символикой Солнца и смерти [19, с. 148–149]. Грязь, которая обдала Сашу и его отца с колес обгнавшей их телеги, это именно грех, совершенный другими людьми, который, однако, переходит и на тех, которые могли непосредственно не принимать в нем участия. Итак, за грехи других приходится отвечать всем. Поэтому колесо, которое должно было служить средством защиты от врагов, стало символом гибели Чевенгура.

Поиски чевенгурцами «счастья жизни» («вещества жизни» [8, с. 225]) тесно связаны с реализующимся в романе понятием коммунизма. Если коммунизм – это воплощенное в Чевенгуре «счастье жизни», то возникает вопрос, где находится это «вещество существования» – внутри людей или вне людей? Не случайно ведь коммунизм ассоциировался одними чевенгурцами с окружающим миром, а другими – с человеком. Чепурный предполагал, что «окончательное счастье жизни», к которому с таким усердием стремились чевенгурцы, существует в людях, то есть в «прочих»: «Это счастье жизни уже есть на свете, только оно скрыто внутри прочих людей, но и находясь внутри – оно все же вещество, и факт, и необходимость» [там же].

Характерно, однако, что после смерти ребенка, то есть в кульминационном пункте романа, Чепурный приходит к противоположному выводу о том, что коммунизм существует, однако вне людей: «Значит, в Чевенгуре есть коммунизм, и он действует отдельно от людей» [там же, с. 233]. В финальной части романа Чепурный уже начинает сомневаться во всем, во что верил раньше: «Где же он тогда помещается? И Чепурный, покинувший семейство прохожей женщины, не мог ясно почувствовать или увидеть коммунизм в ноч-

ном Чевенгуре, хотя коммунизм существовал уже официально» [8, с. 233].

В результате ни один из чевенгурских большевиков не смог «почувствовать» или, тем более, увидеть коммунизм в Чевенгуре. Как приговор коммунистическому эксперименту в Чевенгуре звучат в финале романа слова Копенкина: «Тут зараза, а не коммунизм» [там же, с. 230]. Показательно, что именно Дванов решил проблему и Копенкина, и остальных большевиков, которые до этого времени постоянно затруднялись вопросом, что такое коммунизм и где он находится. Итак, на вопрос Копенкина, есть ли в Чевенгуре коммунизм или «обратно», Дванов ответил утвердительно. А насчет «расположения» коммунизма Дванов объяснил Копенкину следующее: «Ты же сам коммунист, – сказал Дванов. – После буржуазии коммунизм происходит из коммунистов и бывает между ними. Где же ты ищешь его, товарищ Копенкин, когда в себе бережешь? В Чевенгуре коммунизму никто не мешает, поэтому он сам рождается» [там же, с. 256].

Когда Х. Кубо писал о проблеме телесности в романе «Чевенгур» (а также в других произведениях Платонова), то утверждал, что коммунизм и полное счастье в Чевенгуре могло осуществиться только тогда, когда чевенгурцы стали бы одним телом, то есть пространство между ними должно было заполниться до конца. И именно такое состояние можно бы назвать «новым телом», то есть коммунизмом. Исследователь пришел к выводу, что Платонов воспринимал коммунизм как то, «чего тело хочет, или самим новым телом», то есть «родственность всех тел к своему телу» [4, с. 29]. Итак, поскольку чевенгурцы не смогли почувствовать свой «коммунизм» телесно, то стало очевидным, что в Чевенгуре его нет [там же]. Мы, однако, склоняемся к менее «материальной» точке зрения, то есть считаем необходимым сосредоточиться на ассоциации понятия платоновского коммунизма с другим типично платоновским понятием – «теплотой» (противопоставленной в поэтике А. Платонова понятию «пустота»).

Понятие «вещества существования» в философских исканиях А. Платонова занимает центральное место. Некоторые исследова-

тели пришли к выводу, что поиски «вещества существования» в творчестве писателя связаны с определением места человека в природе. Более того, Платонов пришел к выводу о том, что истина – материальная вещь, совершенная организация материи по отношению к человеку [15, с. 248; 17, s. 102]. Полагаем, что материальный характер платоновского понятия «вещества существования» имеет свою основу также в федоровском понимании «вещества». Тем не менее кажется, что вещество, как материя, вовсе не исчерпывает сути платоновского «вещества существования», определенного писателем как «поиски отдельного и общего существования».

Для Федорова «вещество» это то, что осталось от предков после их смерти. Оно находится: 1) в форме мертвых частиц (остатков тела мертвых), рассеянных в земле; 2) в форме генетического кода, сохранившегося в клетках их потомков; 3) в вещах (принадлежащих или созданных когда-то умершими), которые сохранили их духовный смысл. Естественно, поскольку проекты Федорова – это деонтология (то есть философия должного), то для него главный интерес представляет проблема «метаморфозы» этого «вещества». Решение федоровской проблемы «метаморфозы вещества» – исходный момент проекта всеобщего воскрешения.

По мнению Федорова, тайна жизни и смерти – это секрет «метаморфозы вещества». Федоров писал о необходимости «усовершенствования вещественного мира» и его реального, а не мистического одухотворения и оживления. Федоровская «метаморфоза вещества» подразумевает соответственно: 1) собрание и превращение частиц умерших предков в живые («вещество» – мертвые частицы, которые должны быть оживлены); 2) раскрытие тайн наследственности, исследование генетического кода человечества, восходящего к немногим прародителям; 3) собрание мертвых вещей быта, чтобы исходя из них воссоздать их авторов [12, с. 31; 13, с. 43; 14, с. 217]. Последняя идея связана с проектом храма-музея. Для нашего анализа значение имеет, в частности, факт связи понятия «метаморфозы вещества» с идеей воскрешения и исключительно материальный характер этого понятия. Следует еще раз под-

черкнуть, что сфера федоровских поисков путей реализации проекта воскрешения оставляет в стороне вопрос о душе, который является центральным для А. Платонова.

Конкретная сфера поисков Платонова, несомненно, относится к философии Федорова. В частности, заметно это в отношении обоих философов к мотиву сердца как к центру человеческой духовной конструкции. Федоров подчеркивал, что сердце создает нравственный «сердечный ум» в человеке, дающий верную оценку всему [13, с. 37]. Платонов, вероятно, также неслучайно считал «открытое сердце» условием раскрытия истины Вселенной и человека.

В «Чевенгуре» поиски «вещества существования» переходят от конкретных понятий (части тела, тела отдельного человека и группы людей) к более абстрактным (духовная сфера человеческой жизни). Федоровская задача «вернуть сердца сынов отцам» реализуется в «Чевенгуре» на примере Александра Дванова и рыбака с озера Мутево. Однако следует обратить при этом внимание на способ толкования Платоновым самой сути понятия сердца. Для него сердце отождествляется с надеждой, которая передается от отца сыну, но сбыться не может, так как остается только идеей: «...какая мерная берегущая сила звучит в его сердце? – будто погибший родитель Дванова навсегда или надолго зарядил его сердце своею надеждой, но надежда не может сбыться и бьется внутри человека: если она сбудется, человек умрет, – если не сбудется – человек останется, но замучается, – и сердце бьется на своем безысходном месте среди человека» [8, с. 255].

Эта надежда связана с трагизмом бытия. Но главное в том, что сердце содержит не только надежду, но также цель и смысл жизни: «Может быть, поэтому и бьется сердце, что оно боится остаться одиноким в этом отверстом и всюду одинаковом мире, своим биением сердце связано с глубиной человеческого рода, зарядившего его жизнью и смыслом, а смысл его не может быть далеким и непонятным – он должен быть тут же, невдалеке от груди, чтобы сердце могло биться, иначе оно утратит ощущение и замрет» [там же, с. 255]. Итак, вслед за философом Платонов указывает на родственность как на

ту связь между людьми, благодаря которой «биение» одного сердца передается другому, как на любовь к ближнему, которая делает людей родственными.

Платонов задается вопросом, может ли коммунизм быть тождествен федоровскому *общему делу*, то есть можно ли определить коммунизм как *общее дело*, в смысле совместного стремления всех людей к общему благу. Из вышеприведенной цитаты следует, что знак равенства между понятиями Чевенгур и коммунизм больше не существует. Пришел Дванов и объяснил им, что коммунизм находится в людях и между людьми. Следовательно, коммунизм рождается в их сердцах и является чувством между ними. Нарочно избегая слова «любовь», определим это взаимное чувство между коммунистами-товарищами как «теплоту». Этот термин подразумевает «обмен» энергии между людьми, их взаимную заботу друг о друге – и дружбу, и товарищество, и сочувствие. Мало того, Платонов эту человеческую «теплоту» направляет, в виде сочувствия, на больного Якова Титыча.

Идея коммунизма как «конца тоски по прошедшему времени» объединила пролетариат Чевенгура. Они теперь желали «интернационала», то есть «дальних, туземных и иноподанных людей» [8, с. 253], чтобы жить с ними вместе в Чевенгуре. Однако эта идея выражала устремление чевенгурцев не в прошлое, а в будущее. Они пытались преодолеть свою тоску надеждой на будущее. «Прочие» не знали, какой исход найти своим чувствам и поэтому они олицетворяли в своем сознании вещи как «омертвленную жизнь погибших отцов» [там же, с. 251]: «Лишенные семейства и труда... все спящие чевенгурцы вынуждены были одушевлять людей и предметы, чтобы как-нибудь размножить и облегчать свою набирающуюся, спертую в теле жизнь» [там же, с. 259].

В этом контексте Саша Дванов служит контрастом «прочих». Когда «прочие» не могли найти своего счастья в Чевенгуре, он, напротив, ощущал себя счастливым в этом городе: «Дванов чувствовал полную святость своей души... <...> ...он сейчас боялся утратить свой душевный покойный достаток и желал найти другую второстепенную идею, чтобы ею жить и ее тратить, а главную идею

оставить в нетронутым запасе – и лишь изредка возвратиться к ней для своего счастья» [8, с. 261]. Двановская «святость души» обозначала «наслаждение от воображения любимых предметов», то есть чевенгурских людей [там же]. Нельзя не обратить внимания на характерное сравнение чевенгурцев с «любимыми вещами». Это еще раз указывает на то, что свою «теорию чувства» А. Платонов основал на федоровских идеях, поскольку и в случае Дванова, и всех «прочих» объект чувств сравнивается с вещью, но с вещью в федоровском смысле, то есть связанной с идеей храма-музея.

Для Дванова идея поисков «вещества жизни» и «вещества счастья» представляла собой коммунизм, понимаемый как «теплота», то есть союз товарищей. А для «прочих» это была идея коммунизма, обозначающая прекращение душевного беспокойства, которое они носили в себе с момента рождения. Однако тоска «прочих» выражает на самом деле вечную тоску человека по раю. М. Элиаде считает, что это тоска по раю, жажда попасть в него опять, преодолев тем самым грех и несовершенство, руководит человеком в его стремлении дойти до середины Вселенной и слиться с божеством в сфере *sacrum* [18, s. 368].

Поэтическое слово «Чевенгура» последовательно отражает установку на «неестественность» реализуемой идеи коммунизма. Когда Дванов обращается к Пиюсе, желая найти подтверждение правильности своих раздумий, он называет Чевенгур «душевым имуществом»: «– Пиюсь, – обратился Дванов, – правда, ведь, что Чевенгур у нас с тобой душевное имущество? Его надо беречь как можно поскупей и не трогать каждую минуту!» [8, с. 261]. Развивая в дальнейшем эту мысль Дванова о «второстепенной идее», писатель комментирует это следующим образом: «каждое тело в Чевенгуре должно твердо жить, потому что только в этом теле живет вещественным чувством коммунизм» [там же, с. 262].

Оба определения, то есть «душевное имущество» и «вещественное чувство коммунизма», являются в действительности оксиморонами, поскольку эти словосочетания состоят из крайне антиномичных свойств. «Ду-

шевное», или все связанное с «чувством», не имеет ничего общего с «вещественностью» и «имуществом». Такого рода сочетания указывают на предпринятую писателем попытку соединения федоровских, материалистических представлений об идее вещества с духовными, более отвлеченными.

Кажется, одной из прямых реплик, которую Платонов адресует Федорову, является высказывание Дванова Гопнеру, которого, кстати, зовут Федор Федорович: «— Здесь, Федор Федорович, ведь не механизм лежит, здесь люди живут, их не наладишь, пока они сами не устроятся. Я раньше думал, что революция – паровоз, а теперь вижу – нет» [8, с. 252]. Это явный упрек Платонова автору «*Философии общего дела*» как проекту. Писатель подчеркивает, что нельзя спланировать поведение человека, ибо он «не механизм». Все, что человек делает, это следствие его двойственной природы, в которой борется постоянно ум с чувством и волей. А согласовать действия и потребности всех людей, настолько отличающихся друг от друга, почти невозможно. Во всяком случае, так утверждает Платонов на примере наиболее близкого ему персонажа – Саши Дванова.

Более того, в романе звучит сомнение, что люди, хотя жаждут правды и счастья, не всегда в состоянии посвятить себя и свою жизнь правде, как сделал это Христос. Они в основном слабые и порочные существа, а правда находится где-то в конце их длинной и трудной жизненной дороги: «— Отчего нам так хорошо, а неудобно? Оттого, как правильно высказался здесь один товарищ, – оттого, что всякая правда должна быть немного и лишь в самом конце концов» [там же, с. 247].

Итак, «вещество существования», то есть «вещество жизни», «счастье жизни», обозначает у Платонова правду, истину. Она открывается в конце человеческого существования, на границе смерти и жизни. Именно осмыслением этого перехода, этой границы отличалась философия Платонова от философии Федорова. Для Федорова преодоление этой границы обозначает потребность воскрешения всех мертвых в этом, земном мире. Для Платонова воскресение человека – это акт объединения с божеством, на пути посвящения, в

другом бытии. В итоге Платонов воспринимает «вещество существования» как истину, к которой стремится человек своей жизнью. Это «теплота», которая выражается в гармонии тела и духа (внутренний мир) человека, гармонии людей между собой (внешний мир), гармонии между людьми и миром (но не как у Федорова – через изменение, подчинение, а сосуществование и понимание). Только через обретение человеком так понимаемой гармонии может он приобрести счастье и стать на путь истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский, Л. Запад и восток в творчестве Андрея Платонова / Л. Аннинский // *Простор*. – 1968. – № 1. – С. 82–95.
2. Баршт, К. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. Баршт. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 320 с.
3. Коваленко, В. Становление свободы (о романе А. Платонова «Чевенгур») / В. Коваленко // Андрей Платонов. Исследования и материалы / под ред. Т. А. Никоновой. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – С. 19–28.
4. Кубо, Х. Новое тело: коммунизм и телесность у Андрея Платонова / Х. Кубо // *Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век* / под ред. Е. Г. Мущенко. – Воронеж : Полиграф, 2001. – С. 23–29.
5. Лазаренко, О. Сон в художественном мире романа А. Платонова «Чевенгур» / О. Лазаренко // Андрей Платонов. Проблемы интерпретации / под ред. Т. А. Никоновой. – Воронеж : Траст, 1995. – С. 111–117.
6. Малыгина, Н. Эстетика Андрея Платонова / Н. Малыгина. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 250 с.
7. Никонова, Т. А. Универсальный смысл пограничных ситуаций в прозе А. Платонова / Т. А. Никонова // *Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век* / под ред. Е. Г. Мущенко. – Воронеж : Полиграф, 2001. – С. 115–121.
8. Платонов, А. Чевенгур / А. Платонов // *Собр. соч.* : в 5 т. Т. 2. – М. : Информпечать, 1998. – С. 5–305.
9. Радбиль, Т. «Семантика возможных миров» в языке А. Платонова / Т. Радбиль // *Филологические записки*. – 1999. – № 13. – С. 137–153.
10. Сарычев, В. А. А. Платонов и эстетика «жизнетворчества» / В. А. Сарычев // А. Платонов. Исследования и материалы / под ред. Т. А. Нико-

вой. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – С. 75–81.

11. Свительский, В. А. Конкретное и отвлеченное в мышлении А. Платонова-художника / В. А. Свительский // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения / под ред. В. П. Скобелева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 5–12.

12. Семенова, С. Г. Н.Ф. Федоров и его философское наследие / С. Г. Семенова // Федоров, Н. Сочинения / Н. Федоров. – М. : Мысль, 1982. – С. 5–35.

13. Семенова, С. Г. Этика «общего дела» Н.Ф. Федорова / С. Г. Семенова. – М. : Знание, 1989. – 60 с.

14. Семенова, С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни / С. Г. Семенова. – М. : Сов. писатель, 1990. – 320 с.

15. Толстая-Сегал, Е. Идеологические контексты Платонова / Е. Толстая-Сегал // Russian literature. – 1981. – № IX–X. – С. 240–262.

16. Чалмаев, В. Андрей Платонов: (К сокровенному человеку) / В. Чалмаев. – М. : Сов. писатель, 1989. – 448 с.

17. Шимонюк, М. Деструкция языка и новаторство художественного стиля /+ М. Шимонюк. – Katowice : Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 1997. – 119 s.

18. Eliade, M. Obrazy i symbole: szkice o symbolizmie magiczno-religijnym / M. Eliade. – Warszawa : Wyd. KR, 1998. – 240 s.

19. Eliade, M. Traktat o historii religii / M. Eliade. – Łódź : Wyd. OPUS, 1993. – 560 s.

“THE SUBSTANCE OF EXISTENCE” AS THE CENTRAL IDEA IN THE NOVEL “CHEVENGUR” BY A. PLATONOV

A. Khudzinska-Parkosadze

The notion of “the substance of existence” is present in almost every work of Andrey Platonov. As a matter of fact, all the writer’s ideas seem to boil down to this concept. It represents both, the way and the final goal of Platonov’s searches as an artist. The sense of this term evaluates throughout his works. The writer starts his semantic experiments with referring to the N. Fiodorov’s philosophical ideas, than he moves to analyzing the phenomenon of communism and ends with the conclusions of the universal character of Christian ideas.

Key words: *Andrey Platonov, “Chevengur”, “the substance of existence”, N. Fiodorov, communism.*